

© Д.В. Воробьев

МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ: Ж. РУССО И НАЧАЛО КВЕБЕКСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

В статье речь идет о канадском этнологе и ботанике Жаке Руссо – одном из основоположников антропологии в Квебеке: прослеживается его путь в науке от ботаники к этноботанике, а затем от этноботаники к экологическому подходу в антропологии; на примере плана исследователя по интродукции оленеводства на севере Квебека-Лабрадора рассматриваются его попытки решить экономические и социальные проблемы этого района.

Ключевые слова: квебекский антрополог Жак Руссо, квебекская антропология, монтанье, наскапи, этноботаника, цивилизация березы, север провинции Квебек, карибу.

Сразу необходимо отметить, что героем этой статьи вовсе не является знаменитый французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо. Речь в ней пойдет о научных взглядах и творчестве его все-таки не столь известного тезки – квебекского ученого и путешественника, ботаника и социального антрополога, географа и историка Жака Руссо.

К сожалению, богатое наследие Ж. Руссо остается малоизученным в российских научных кругах, как, впрочем, и квебекская социальная антропология в целом. Так, его имя даже не упомянуто в наиболее известной отечественной работе по становлению канадской этнологии (Евтух 1989). Тем временем в Канаде, в особенности в среде франко-канадских исследователей, репутация Руссо – ученого, преподавателя и общественного деятеля очень высока. Его часто оценивают как фигуру мирового уровня представители разных научных направлений, а его многочисленные труды весьма разнообразной тематики получили всеобщее признание. Свидетельством тому служат высказывания современников, библиографические работы о нем и труды, посвященные анализу его научной и общественной деятельности (Audet 1970; Tremblay, Thivierge 1986; Laverdière, Carette 1999; Laverdière 1999; Couture, Laverdière 2000; Mathieu 2005).

В Квебеке научное наследие Жака Руссо оценено по достоинству, однако и здесь существуют некоторые лакуны. Так, Луи-Эдмон Амелен, руководитель Центра исследований Севера (Centre d'Etudes nordiques) Университета Лаваль, в тексте, посвященном памяти Ж. Руссо, упомянув о его плодотворных экспедициях на север

Воробьев Денис Валерьевич – к.и.н., научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: rakamagan@rambler.ru. **Denis V. Vorobiev** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: rakamagan@rambler.ru.

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Многообразие культур и стратегий развития. Институты и управление в полиэтничных обществах». Подтема «Европейский и американский образы жизни в диалоге культур».

Квебека в 1940-е – начале 1950-х годов, отметил: «К несчастью для Квебека, значительная часть материалов этих экспедиций все еще остается в состоянии рукописей» (*Hamelin* 1970: 258). Мемориальный текст Амелена вышел в 1970 г. – в год смерти Жака Руссо. С тех пор об этой выдающейся личности написаны книги и статьи, но, по всей видимости, многое из интереснейших материалов экспедиций Руссо, упомянутых Амеленом, по-прежнему остается неопубликованным. По крайней мере, мне ничего не известно о существовании какого-либо сборника работ Руссо, появившегося уже после 1970 г., хотя я и предпринимал попытки найти что-нибудь подобное. Удалось обнаружить только перечень архивных документов, содержащихся в Фонде Жака Руссо, насчитывающий 151 страницу (*Répertoire numérique* 2004).

Научно-биографический очерк

Жак Руссо родился 5 октября 1905 г. в Сен-Ламбер близ Монреаля, умер 4 августа 1970 г. в саду своего дома на оз. Уаро (муниципалитет Сен-Дона) в Лаврентийских горах, к северу от Монреаля.

Знакомство с основателем Монреальского ботанического сада, а, по сути, всей квебекской научной традиции, ботаником Жозефом-Луи Мари-Виктореном определило дальнейшую жизнь Ж. Руссо. В 1923 г. он начинает посещать лекции Мари-Викторена в Ботаническом институте Монреальского университета как вольнослушатель, а с 1926 г. как студент, совмещающий учебу с работой лаборанта. В 1928 г. Руссо получает лицензию на право заниматься научной деятельностью и одновременно должность старшего преподавателя, ведет семинары по палеоботанике и экономической ботанике. Летом 1932 г. Руссо прослушивает курс по антропологии и археологии США в Университете Нью-Мексико; в 1934 г. защищает диссертацию по теме «Астрагалы Квебека и ближайшие представители этого рода» (*Les Astragalus du Québec et leurs alliés immédiats*)¹ и получает степень доктора наук, а в 1935 г. – звание доцента. С 1938 по 1944 гг. Руссо – заместитель директора и администратор Монреальского ботанического сада, а с 1944 до 1957 г. (после трагической гибели Мари-Викторена) – его директор. С 1957 по 1959 гг. он возглавляет открывшееся Подразделение истории человечества Национального музея Канады (Музея человека) в Оттаве. Затем Руссо уезжает во Францию, где, находясь на должности приглашенного профессора, два года преподает этноботанику в Сорбонне. С момента возвращения в Квебек в 1962 г. и до самой своей смерти он – главный преподаватель-исследователь Центра исследований Севера Университета Лаваль в Квебеке, куда его пригласил друг и коллега, руководитель Центра, географ Луи-Эдмон Амелен (*Audet* 1970: 8; *Hamelin* 1970: 257–258; *Tremblay, Thivierge* 1986: 164, 178; *Mathieu* 2005: 127).

Отдельно следует сказать о многочисленных полевых исследованиях Ж. Руссо, большую часть которых он провел на севере Канады, исходив практически всю северную часть провинции Квебек и сопредельные территории п-ва Лабрадор. Еще в 1930-е годы он совершает экспедиции в различные районы бассейна р. Св. Лаврентия и на п-ов Гаспе, в 1942 г. проводит этноботаническое исследование населения о. Антикости в заливе Св. Лаврентия. В 1944–1948 гг. он четыре раза посещает озеро Мистассини. Помимо этого, в 1947 г. Руссо предпринимает с несколькими

¹ Монография была опубликована еще в 1933 г. (*Rousseau* 1933).

проводниками-индейцами свое знаменитое путешествие на каноэ по р. Джордж, протекающей по наиболее труднодоступной части Унгава (северных районов Квебека-Лабрадора), где до этого более 40 лет не было ни одного европейца. Затем были экспедиции по рекам Арктического Квебека – Когалук и Арно; в 1949 г. – полевая работа в горах Отиш; в 1951 г. – исследование части залива Унгава, р. Корок и прилегающих к горам Торнгат районов. Наконец, в 1965 г. Руссо принял участие в археологических раскопках на оз. Пейн на п-ве Унгава (Caron 1971: 151).

Несмотря на то, что начало пути в науке Жака Руссо было связано с ботаникой и что в дальнейшем он всегда обращался к ней. В данной статье речь пойдет о Руссо *в первую очередь* как о социальном антропологе, более того, как об одном из основателей социальной антропологии в Квебеке. Для ученого была характерна широкая междисциплинарность подхода. Он прекрасно разбирался в самых разных, казалось бы, далеких друг от друга областях – и естественных, и гуманитарных. Помимо сугубо ботанических он публиковал работы по географии, климату Квебека, рассматривал геологические (см., напр.: Rousseau 1967b) и иные вопросы естественной истории региона. Известны многочисленные труды ученого по картографии и истории исследования Квебека. Так, он сумел достоверно определить маршрут Шарля Албанеля, миссионера второй половины XVII в., на оз. Мистассини и далее к заливу Джеймс (Rousseau 1950: 586). В более широком плане он интересовался историей географических открытий в Северной Америке.

Как сказал Амелен: «...нужно отметить истинный масштаб Жака Руссо, который всегда был универсальным исследователем, как мэтры прошедших веков» (Hamelin 1970: 258). Коллега и друг Руссо сравнивает его с учеными прошлого, как правило, обладавшими энциклопедическими знаниями и являвшимися специалистами в различных областях, поскольку наука того времени еще не достигла уровня специализации, характерного для XX в. Данная оценка много говорит о талантах Руссо как исследователя.

Однако этнологическая тематика занимает одно из ведущих мест в работах Руссо. Может быть, она и не преобладает над чисто ботаническими исследованиями, но складывается впечатление, что и не уступает им в отношении общего объема написанных трудов. В первую очередь здесь речь идет о различных сторонах жизни, о культуре и современном положении индейцев и эскимосов Квебека. Но этим Руссо не ограничивается, у него есть работы общего плана, посвященные коренному населению Нового Света.

Еще одним достоинством Ж. Руссо как автора является свойственный ему особый легкий и живой стиль изложения и подачи материала. Читать и воспринимать самые серьезные антропологические тексты ученого часто бывает не просто легко, но и, не побоюсь столь эмоционального определения, весело. На первый взгляд такой стиль может показаться слишком популярным, но это ни в коем случае не является показателем недостаточной глубины исследования. Напротив, выводы Руссо практически всегда выглядят фундаментальными.

Может возникнуть вопрос: как произошло, что автор, по сути, специально не учававшийся антропологии, становится основоположником целой научной школы в данной области? Все дело в таланте и широких интересах исследователя и, как следствие, в его богатейшем опыте работы в поле. Уже в своих первых выездах для сбора ботанического материала и гербаризации в различные районы бассейна р. Св. Лаврен-

тия Руссо уделяет большое внимание знанию и использованию растений живущими в этих местах людьми, фольклору, связанному с растительной тематикой, и культуре в целом. В дальнейшем это привело к профессиональному изучению самых разнообразных антропологических тем. Так, во время одной из наиболее ранних экспедиций 1927 г. в своем полевом дневнике тогда еще студент Руссо описывает праздничное шествие в Сен-Жан-Батист-о-Бик с интересными этнографическими подробностями (Mathieu 2005: 132). Его последующие многочисленные поездки в северные районы Квебека всегда носили комплексный, не просто этноботанический, а «ботанико-этнологический» характер. Детального и всеобъемлющего научного описания различных сторон жизни автохтонного населения Квебека до Руссо не предпринималось. С определением Ж. Руссо как «пионера квебекской индеанистики», данным Марком-Аделаром Трембли и Жозе Тивьерж (*Tremblay et Thivierge* 1986: 164), следует полностью согласиться. По мнению этих авторов, его деятельность обусловила скорое появление целой плеяды квебекских этнологов, связанных с журналом «Америндеанистские исследования в Квебеке» (*Recherches amérindiennes au Québec*) (*Ibid.*), первый номер которого вышел в 1971 г., вскоре после смерти ученого.

Первым квебекским социальным антропологом принято считать Мариуса Барбо (*Smith* 1974: 72). С данным утверждением можно согласиться, поскольку он был, по-видимому, первым ученым в Квебеке, получившим антропологическое образование. Однако подавляющее большинство трудов Барбо о коренных жителях Америки либо посвящено населению северо-западного побережья Канады, либо имеет обзорный характер, а кроме того, создано преимущественно на английском языке. По-французски он писал в основном о фольклоре франко-канадцев, тогда как специальных работ, где рассматривались бы различные стороны жизни квебекских автохтонов, у него практически нет. В отличие от Барбо, Руссо не имел базового антропологического образования, но его вклад в изучение коренного населения Квебека, полагаю, весомей. Руссо, пожалуй, глубже, чем кто-либо другой, благодаря своим многочисленным исследовательским экспедициям и частому обращению к ранним письменным источникам, знал автохтонов Квебека. Все остальные франко-канадские авторы – современники Руссо, затрагивавшие эту тему (Лео Поль Дерозье, Аристид Богран-Шампань, Жерар Мальшелос), были историками и рассматривали сугубо исторические ее аспекты. Они не имели того полевого опыта и знаний в области традиционной культуры и современного на тот момент положения коренных жителей, которыми обладал Ж. Руссо.

От ботаники к этноботанике

Как уже было отмечено, первым и очень важным шагом Ж. Руссо в сторону антропологии стал его интерес к представлениям о местной флоре жителей тех областей, где он проводил свои ботанические исследования – что выглядит закономерным, учитывая тесную взаимосвязь ботаники и этноботаники. Затем, на основе записей в полевых дневниках, он публикует специальные труды, посвященные представлениям автохтонов о растениях. Особо следует отметить его работы, написанные по данным экспедиций 1930-х годов в районы реки и залива Св. Лаврентия. Это материалы по этноботанике абенаков из поселков Оданак и Беканкур, могавков Кохнаваги, а также жителей о-ва Антикости и п-ва Гаспе (*Rousseau et Raymond* 1945; *Rousseau* 1946; *Rousseau* 1947; *Rousseau* 1948).

По утверждению самого Руссо, особенно его интересовала лингвистическая составляющая этноботаники – автохтонные и локальные наименования растений и ботанический фольклор (Rousseau 1946: 60–61). В то же время складывается впечатление, что в работах ученого содержится объемная информация о различном назначении используемых его информантами растений (лекарственном, пищевом, ремесленном), тогда как непосредственно связанные с тем или иным видом флоры фольклорные тексты обнаруживаются не так уж и часто.

Эти работы, как правило, написаны по идентичным планам: все они содержат раздел «Системное описание» – пространный перечень растений, о которых автору удалось собрать какие-либо сведения; обязательно дается латинское наименование растения, его название по-французски или по-английски, характерный для исследуемого сообщества автохтонный или локальный термин и его этимология в переводе на французский, если такое возможно. Часто эта информация дополняется пояснениями информантов о сферах применения растения, реже – о связанных с ним поверьях и фигурированием в фольклоре. По возможности Руссо привлекает компаративные данные относительно роли данного растения в жизни других групп коренного населения.

Приведу по примеру из работ по этноботанике абенаков и могавков:

Абенаки. «*Coptis Groenlandica (Savoyane)*. (Многолетнее травянистое растение савоян или коптис трехлистный. – Д.В.). *wijô`warap`kôs* означает “желтый”. От насморка используют отвар савояна (это французское название известно информанту и используется им) и *Asarum canadense* (копытня канадского. – Д.В.). У *тет-дэ-буль Мануана савоян* также применяется при насморке. Могавкское название растения означает “желтый корень”. Так же обстоит дело во многих америндейских языках северо-востока США» (Rousseau 1947: 167).

Могавки. «*Abies balsamea (Пихта)*. *O-tso-ko-ton*. При полной луне из дерева течет камедь, которую собирают ложкой. Это ценный антисептик для многочисленных случаев. ...От рака делают компресс из пихтовой камеди и сухой бобровой железы... Компресс “притягивает” болезнь. После использования компресс ни в коем случае нельзя сжигать. Иначе болезнь вместе с дымом распространится по соседству. Пластырь следует завернуть в шкуру мускусной крысы и закопать... Название на языке онондага – *cho-koh-ton*, переводится как “волдырь”, “пузырь”» (Rousseau, Raymond 1945: 37).

Пример из могавкских материалов содержит один из редких моментов, фиксирующих связь растений с религиозными представлениями. Хотя Руссо выделяет в своих трудах именно фольклорную составляющую этноботаники, следует, однако, признать, что конкретных тому подтверждений в его работах по этой тематике не так много. В данном случае запрет на сжигание пихтовой припарки, контактировавшей с болезнью, и представления о вредоносности дыма явно имеют магическую основу. Нельзя исключить существование фольклорных материалов, объясняющих нейтрализацию вредоносности именно шкурой ондатры, но автор их не привел.

В качестве отдельной проблемы Ж. Руссо выделяет самое разноплановое воздействие европейского окружения на автохтонные этноботанические знания. Его интересует, какое осмысление в народной традиции получают виды, происхождение которых связано с другими регионами Америки или появившиеся в результате

европейской колонизации. Так, внимание ученого привлек факт значительных, с его точки зрения, расхождений в количественном соотношении местных и распространенных сравнительно недавно видов в материалах из Кохнаваги и Оданака. Из 115 растений, содержащихся в кохнавагском перечне, 35 являются привнесенными, тогда как у абенаков из 69 видов чужеродными являются только 12. Причину тому Руссо обоснованно видит вовсе не в том, что в Кохнаваге произрастает больше интродуцировавшихся видов, чем в Оданаке, он принимает в расчет личные особенности своих собеседников и характер информации, которую они могут ему дать, что характеризует его как уже вполне квалифицированного антрополога. Текахагека, женщина преклонного возраста из Кохнаваги, его основная информантка, была великолепным знатоком лекарственных и прочих растений, произрастающих в окрестностях ее родного поселка, где количество привнесенных видов велико. Информант-абенак Робер Пакет, напротив, большую часть своей жизни провел в удаленных от поселка лесах, его знание флоры связано именно с ними, и в целом оно принципиально иное (Rousseau 1947: 160).

Если термин «этноботаника» встречается в ранних работах Ж. Руссо почти повсеместно, то на тему взаимодействия человека и мира фауны, вероятно, в силу меньшей глубины накопленных знаний, он высказывается несколько реже. Термином «этнозоология», которая также рассматривается им через язык и фольклор, он оперирует только в статье по материалам, собранным на п-ве Гаспе. Статья содержит пространный список местных наименований различных животных (от простейших до крупных млекопитающих) с этнографическими комментариями автора, иногда весьма объемными, и пояснениями его информантов. Например: «*Бурго*” – народное название брюхоногого моллюска *Viccinium undatum*. “*Бурго* – это начало омара. Это, как говорят, яйцо омара...” (Жильбер Карон, Гранд Вале). ...*Бурго* (рожок. – Д.В.) из березовой коры, применяющийся на охоте на лося, определенно ведет происхождение от наименования этого моллюска, использовавшегося прежде в качестве резонатора» (Rousseau 1948: 59).

Помимо полевых исследований Ж. Руссо интересовали исторические данные по этноботанике, содержащиеся в ранних письменных источниках. Авторы, изучающие его деятельность, подчеркивая мультидисциплинарность подходов, часто говорят о нем как об историке и географе. Тем не менее необходимо уточнить, что затрагиваемые ученым темы в первую очередь имеют отношение к исторической географии и исторической антропологии. Характерным примером из сферы исторической этноботаники является загадка дерева *аннедда*, которую Руссо удалось разгадать.

Это дерево упомянуто в рассказе о втором путешествии Жака Картье на р. Св. Лаврентия, датированном 1535 г. Во время тяжелой зимовки команду Картье поразила цинга, и индейцы принесли морякам ветви растения, именуемого *аннедда*, отвар из которых позволил быстро справиться с болезнью (Cartier, *la Grosse Maladie* 1953: 73–76). Видовая принадлежность *аннедды* на протяжении более чем 400 лет оставалась окончательно невыясненной. Ж. Руссо посвятил решению этой проблемы несколько статей. Он обратился к инструментарию различных наук – и гуманитарных, и естественных. Данные ботаники позволили определить *аннедду* как большое хвойное дерево, остающееся зеленым в конце зимы, что позволило исключить из числа «претендентов» можжевельник и лиственницу (Rousseau 1953: 106–107). Согласно лингвистическим данным, та или иная форма слова *аннедда* в различных ирокезских языках может означать и об-

щее название хвойных растений, и отдельные конкретные виды (Rousseau 1954: 179). Фольклор в форме воспоминаний об использовании растений в прошлом, по мнению исследователя, ничего не дает для решения проблемы, т.к. почти из всех видов хвойных и автохтоны Квебека, и европейцы готовят различные отвары и припарки. Материал по моговкам Кохнаваги, среди которых Ж. Руссо, как нам известно, провел этноботаническое исследование, оказался недостаточно надежен, поскольку трудно было определить, что они сохранили с доколониальных времен, а что заимствовали у европейцев (Rousseau 1953: 111). Письменные исторические источники, созданные в XVII в. после основания колонии Новая Франция, также не помогли в решении проблемы. Однако в документах времен Картье (XVI в.) Ж. Руссо нашел свидетельства в пользу того, что под названием *annedda* может скрываться туя (*Thuja occidentalis*) (Ibid.: 112–114). Биохимические данные подтвердили это предположение. Вывод Ж. Руссо таков: дерево *annedda* – это туя западная (Rousseau 1953: 111; Rousseau 1954: 201).

Экологический подход к антропологии

Последующие экспедиции Ж. Руссо в 1940-х – начале 1950-х годов по изучению флоры севера Квебека окончательно укрепили его интерес к антропологии. Это были не только ботанические поездки. Ученый исследовал северные экосистемы в комплексе и, естественно, тесным образом контактировал с жителями тех мест – монтанье, наскапи и эскимосами². В итоге Руссо были накоплены обширные знания, позволившие понять и осмыслить образ жизни и культуру этих групп, собран богатейший этнологический материал. Общение с евроканадцами в путешествиях по Унгаве могло происходить только в конечных точках маршрута – в населенных пунктах на побережье. Все остальное время Руссо был погружен в местную среду, а его проводниками почти всегда были монтанье из Сет-Иля. Жизнь с автохтонами в естественных для них условиях и участие в их повседневных делах позволяли осуществлять глубокое включенное наблюдение и в результате сделали Руссо одним из лучших знатоков культуры и реалий жизни этих людей. Трембли и Тивьерж, проследив хронологию его работ, считают вторую половину 1940-х годов моментом, когда данная тематика становится основным сюжетом его исследований. Библиографический список америндеанистских работ Руссо они начинают с 1946 г. (Tremblay, Thivierge 1986: 166, 179). Постепенно все более четко вырисовываются взгляды Ж. Руссо-антрополога и его понимание механизмов функционирования человеческих сообществ.

В основе теоретических изысканий Ж. Руссо лежит экологический подход. Влияние природной среды на развитие общества для него во многом первично. Если принять во внимание то влияние, которое оказали на его формирование как ученого биологические (естественные) науки, такой тезис выглядит вполне закономерным. Тем не менее, взгляды Руссо не следует сводить к упрощенному географическому детерминизму, они значительно сложнее. Между материальной культурой и технологиями, с одной стороны, и социальной структурой – с другой, существует тесная взаимосвязь, т.к. обе эти категории являются ответом человека/общества на условия природной среды, к которым он/она адаптируется и в которые гармонично вписывается. Мировоззрение и религиозные верования, пусть и более опосредованно, тоже представляют собой звенья этой взаимосвязи, выступающей, по Руссо, залогом культурного разнообразия на земле.

² «Монтанье», «наскапи» и «эскимосы» – терминология эпохи Ж. Руссо. В настоящий момент в качестве наименований этих групп утвердились этнонимы «инну», «наскапи» и «инуиты».

Полагаю, наиболее полное понимание ученым связи материальная культура–природная среда раскрывается в статье под названием «Индеец бореального леса – элемент экологической системы», где лес представлен как бесконечный симбиоз деревьев и остального растительного покрова, представителей фауны, обитающих в нем и находящих себе пропитание, низших бактерий, измельчающих почву. *«Но это еще не все, – пишет Руссо, – потому что человек тоже живет в нем. Индеец северо-востока Америки, составная часть хвойного бореального леса, адаптировал свою культуру к экологическим условиям»* (Rousseau 1957a: 37).

С одной стороны, виды животных и растений в борьбе между собой образуют в итоге гармоничные сообщества, в которых каждый находит свое место. Эти сообщества реагируют на присутствие человека, а человеческое общество, в свою очередь, несет на себе отпечаток среды. С другой стороны, одновременно с этим Ж. Руссо видит базис человеческого общества в постоянной борьбе между средой обитания, часто враждебной человеку, и культурной традицией, которая не всегда четко согласуется с условиями природной среды, а иногда вступает в противоречие с ними (Ibid.). То есть культурная традиция не является просто отпечатком условий среды обитания.

И все-таки адаптация культуры именно к природной среде для Руссо, по всей видимости, представляется наиболее важным фактором. Так, в таежном лесу Квебека заниматься земледелием при почти полном отсутствии видов, пригодных для культивирования, а также учитывая тяжелые условия существования и низкий уровень развития агротехники, было невозможно. Поэтому основу жизнеобеспечения местного населения составляли охота и собирательство. Эти виды деятельности, как и суровая природа, требовали подвижного образа жизни для оптимального освоения доступных ресурсов и протяженных территорий. Это, в свою очередь, обуславливало то, что самодостаточные охотничьи коллективы, ядром которых являлись нуклеарные семьи, были численно невелики и большую часть года дисперсно рассеяны по угодьям. Только в короткий летний период люди собирались вместе обычно на берегах крупных озер или на побережье для поддержания социальных связей. Четкой племенной структуры не существовало (Tremblay, Thivierge 1986: 167). Таким образом, таежный лес влиял на хозяйство и социальную организацию людей.

Безусловно, с вычлениением подобной цепи взаимосвязей, формирующих культурный облик человека, вполне можно согласиться. В то же время трудно принять эволюционистские по сути построения Руссо, согласно которым первичной базой существования человека было исключительно собирательство. В дальнейшем люди, окончательно не отказываясь от него, в зависимости от условий среды переходили либо к этапу охоты, либо к этапу земледелия. Рыболовство же всегда служило лишь дополнительным элементом жизнеобеспечения на всех этих этапах (Rousseau 1958a: 62). Так, Руссо утверждает, что мистассини (Rousseau 1957a: 44) и наסקапи (Rousseau 1958a: 75) до появления европейцев не пользовались рыболовными сетями. Вопрос о бытовании сетей у автохтонов Северного Квебека действительно еще далек от своего окончательного решения, но последние исследования показали их однозначное присутствие у атапасков бассейна Маккензи (Шишелов 2018: 37-53) – таежных охотников очень близких в плане культуры жизнеобеспечения. Как бы то ни было, рыболовство у всех групп автохтонов квебекской тайги и тундры подсобным занятием назвать трудно. В случае неудач на охоте оно сразу выходило на первый план и уж точно всегда преобладало над собирательством. Впрочем, справедливости ради следует

отметить, что Руссо вовсе не отрицал важности рыбной ловли и даже отметил, что те же мистассини *«даже сегодня больше полагаются на рыбу, чем на дичь в сфере пропитания»* (Rousseau 1957b: 204). Сомнению подлежат только его теоретические выкладки общего плана о месте и роли рыболовства в ранней истории человечества.

Также нельзя не сказать, что Ж. Руссо само понятие собирательства рассматривал шире, чем это обычно принято, что, на мой взгляд, в корне должно менять оценку его роли в системе жизнеобеспечения. Например, помимо сбора пищевых и лекарственных растений он включил в сферу собирательства заготовку бересты – материала, без которого вся традиционная культура автохтонов бореальных лесов Квебека имела бы кардинально иной облик. Как известно, культура жизнеобеспечения не ограничивается только добычей пропитания, еще в нее следует включать одежду, транспорт, а также материалы и навыки, необходимые для их изготовления.

В связи с этим особо выделим кору белой или бумажной березы (*Betula papyrifera*), которая, согласно Руссо, играет *«роль первого плана в лесной цивилизации»* (Rousseau 1958a: 64). В его концепции «цивилизации березы» экологический подход, на мой взгляд, находит свое наиболее полное выражение. В первую очередь речь идет о транспортных средствах, являющихся *«великолепными экологическими индикаторами»* (Rousseau 1957a: 40). Например, эскимосы арктических областей обычно применяли для покрытия лодок кожу тюленя, тогда как *«алгонкин бореального леса нашел себе союзника в виде бумажной березы. Ее легкая кора, сложенная в форме лодочки, проштампованная ватом³. хвойных пород и проконопаченная смолой, скользила по текучим водным путям или перевернутая на голову позволяла обойти пороги⁴. Без этой коры хвойный лес был бы непроходим»* (Ibid.). У Ж. Руссо не вызывает абсолютно никаких сомнений, что, не имея березовой коры, без которой не было бы каноэ, ни автохтоны, ни затем европейские торговцы и колонисты не смогли бы освоить и заселить бореальный лес. Все географические открытия европейцев и вся торговля во внутренних областях Канады производились на берестяных каноэ, опыт использования которых был получен исключительно благодаря индейцам (Rousseau 1949: 9).

Итак, с одной стороны, кора бумажной березы представляет собой широко распространенный, доступный, легкий, гибкий и водонепроницаемый материал. Все эти качества делают ее идеальной для изготовления маловесных, маневренных, быстроходных и достаточно грузоподъемных каноэ. С другой стороны, ландшафты Канадского кристаллического щита (с частым выходом на поверхность горных пород, поросшего таежным лесом, перемежающимся заболоченными участками) труднопроходимы в тот период года, когда они свободны от снега и льда. Руссо даже, как мы выяснили, называл бореальный лес «непроходимым», но это некоторое преувеличение или, скорее, метафора. Кроме того, Канадский щит испещрен многочисленными озерами и реками, соединенными между собой напрямую или системами волоков. Водные пути как сети коммуникации между различными группами местного населения и маршруты кочевания действительно было трудно переоценить. Берестяное каноэ в результате стало единственным видом транспорта. Помимо незаменимости как средства сообщения Руссо отмечает его важность для рыбной ловли и преследования зверя на

³ Ватап (watap) – канадское название корней деревьев хвойных пород (ели, пихты, сосны), применявшихся главным образом для сшивания берестяных изделий и плетения корзин.

⁴ Здесь Руссо имеет в виду небольшой вес берестяного каноэ, что позволяло человеку обходить опасные порожистые места по берегу, неся лодку на голове дном вверх.

охоте (Rousseau 1958a: 83). Таким образом, использование каноэ, а значит и бересты, являлось важнейшим фактором адаптации человека к окружающей среде.

Однако одним берестяным каноэ «цивилизация березы» для Руссо не исчерпывается, т.к. *«монтанье-наскани хвойного леса, перемещающие свои палатки вслед за капризными миграциями дичи, безусловно, стремились к наиболее легким материалам. На конический каркас из шестов они клали березовую кору. При смене места стоянки было достаточно всего лишь свернуть ее листы в рулон, предварительно нагрев их на огне»* (Rousseau 1957a: 41–42). Из бересты также делались коробка и разнообразные виды посуды, а из древесины выгибались рамы для снегоступов и сани-тобогганы – зимние средства передвижения (Ibid.: 41).

Говоря о «цивилизации березы», необходимо упомянуть еще один очень важный постулат Ж. Руссо компаративного характера. Являясь признанным знатоком Американского Севера, он делает интересное предположение, имеющее отношение к аналогичным территориям Старого Света. Безусловно, его знания о сибирских реалиях были не столь глубоки хотя бы в силу того, что он там никогда не был и мог черпать информацию лишь из небогатой литературы, которую в то время можно было получить в Канаде. Тем не менее он берет на себя смелость предположить, что в Северной Азии также сформировалась «цивилизация березы», причем, что для нас особенно важно, без прямых связей с Америкой. Недостаток знания ученый компенсирует особенностями своего исследовательского подхода, согласно которому, сходство ландшафтно-климатических условий обязательно влечет за собой сходные формы и стратегии адаптации. По Руссо, такой идеальный материал, как береста, уже сам по себе располагает к конвергентному выявлению его свойств и дальнейшему использованию. В подтверждение своему предположению он приводит еще один, возможно, спорный довод. *«К тому же, – пишет он, – если предки алгонкинов, как принято считать, достигли американского побережья до исчезновения ледника, они, возможно, тогда совсем не знали деревьев»* (Rousseau 1958a: 82).

Генеральное направление мысли Ж. Руссо, несомненно, надо признать верным. Во многом одинаковые условия среды существенно повлияли на культурное сходство охотников Сибири и Канадской Субарктики. «Цивилизация березы» на севере Евразии, безусловно, существовала и развивалась конвергентно канадскому варианту. Однако позволю себе сделать предположение, что она не имела здесь столь ярко выраженного характера, как у субарктических алгонкинов и атапасков (о последних Руссо, кстати, пишет очень редко). Лодки-берестянки в первую очередь ассоциируются с тунгусо-маньчжурской культурной традицией; они были широко распространены у многих групп эвенков и тунгусо-маньчжурских народов бассейна Амура. У других народов Сибири зафиксированы главным образом лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева (облас – на Оби, ветка – в бассейне Енисея). Берестянки, безусловно, прежде бытовали у большинства из них, но очень часто наряду с лодками-долбленками. Сейчас о них, как правило, если и есть, то лишь отдельные упоминания. В Канадской Субарктике, напротив, если долбленки и существовали, то имели очень ограниченное распространение. Так или иначе, берестяная лодка, вероятно, не сыграла той единственной основополагающей роли в русском заселении Сибири, которая была отведена каноэ во французской и английской колонизации Канады.

Природная среда также определяла стратегию и ритмы освоения территорий. Образ жизни всех таежных народов Канады в той или иной степени характеризовался

подвижностью и частой сменой мест стоянок. Это было обусловлено по большей части требованиями охотничьего промысла. Во многих, в т.ч. этнографических, работах канадских авторов таежные алгонкинские группы характеризуются как номады. Это в некоторой степени расходится с российской научной традицией, где обычно кочевниками/номадами называют только кочевых скотоводов (коневодов, оленеводов), которым, с одной стороны, необходимо кочевать, чтобы менять необходимые для животных пастбища, а с другой стороны, использование их тягловой силы позволяет перемещаться на значительные расстояния. Пеших охотников-рыболовов кочевниками называть обычно не принято.

У Ж. Руссо на этот счет также есть свое оригинальное мнение. В плане жизнеобеспечения он разделяет алгонкинов Квебека на две части. Это монтанье и мистассини, населяющие непосредственно бореальный лес (по Руссо, умеренная бореальная зона), и наскапи Унгавы, связанные с лесотундровыми и тундровыми территориями – субарктикой и эмиарктикой (*hemiarctique*) согласно терминологии Руссо (*Rousseau* 1957a: 38). Это деление базируется в первую очередь на особенностях этологии промысловых животных, к ритму жизни которых человек вынужден был приспосабливаться. Для животных бореального леса не характерны массовые сезонные миграции и образование крупных стад, поэтому и люди здесь расселены дисперсно, они выработали по большей части индивидуальные приемы охоты на лося, бобра, зайца, дикобраза, водоплавающих птиц. Это накладывало определенный отпечаток на структуру их поселений: в одном небольшом жилище обычно размещалась одна семья. Руссо не называет этих людей номадами, он использует термин «*migrateurs*» («ведущие неоседлый образ жизни») и характеризует их как «*неисправимых странников*» (*Rousseau* 1957a: 42; *Rousseau* 1961: 38). Основой жизнеобеспечения наскапи Унгавы были стада тундровых карибу, для которых характерны массовые весенние и осенние миграции; остальные ресурсы имели второстепенный характер. Главным методом охоты у них был совместный промысел мигрирующих животных во время их переправ через реки и озера. Это, по мысли Руссо, способствовало коллективизму и жизни в многосемейных жилищах – «*длинных, прямоугольных или овальных в плане, палатках*». Именно наскапи он считает истинными номадами, «*паразитирующими на этих жвачных животных*», т.е. повсюду следующими за стадами карибу (*Rousseau* 1957a: 42; *Rousseau* 1961: 29; *Rousseau* 1968: 60–61).

Ж. Руссо был абсолютно прав, обратив внимание на отличия в стратегиях адаптации разных групп автохтонов Квебека. Основываясь на его трудах, можно с уверенностью говорить о существовании в обоих полушариях в зонах южной и северной тайги, а также в лесотундре охотничьих культурно-экологических типов территорий, которые можно условно назвать ареал лося и ареал карибу. Для первого была характерна генерализованная стратегия адаптации с более-менее равномерным использованием различных ресурсов. Второй был особенно тесно связан с мигрирующими карибу и, соответственно, со специализированной стратегией адаптации. Тем не менее с определением ученым жителей Унгавы как настоящих номадов можно согласиться лишь отчасти. Их весьма подвижный ритм освоения угодий не вызывает сомнений, но уровень неоседлости вряд ли в данном случае был выше, чем у тех же монтанье и мистассини – полагаю, пеший человек не в состоянии постоянно следовать за карибу, он попросту не может за ними успевать. Охотники, скорее, поджидали стада у постоянных мест переправы через водоемы. Позднее, когда живот-

ные рассредоточивались по зимним таежным станциям, начинался промысел силами небольших коллективов или индивидуальная охота. Только в случае внезапных изменений маршрутов миграций, что случалось не часто, людям приходилось отправляться на поиски карibu и переключаться на другие доступные ресурсы.

Ж. Руссо и этнонаука

В этом разделе хотелось бы коротко сказать о Ж. Руссо, как об одном из пионеров этнонаучного направления в антропологии, приверженцы которого изучают всевозможные традиционные знания, стараются их понять и проанализировать с точки зрения самих носителей этих знаний – членов различных этнических сообществ. И рациональные, и иррациональные представления людей трактуются как научные и ставятся в один ряд со знанием официальной науки.

Безоговорочно считать Руссо сторонником этнонауки будет не совсем правомерно. Это направление окончательно оформилось лет через десять после его смерти и в квебекской антропологии связано в первую очередь с именем Даниэля Клемана (см.: Clément 2012: 7–11). Тем не менее этнонаучные элементы в работах Руссо, безусловно, есть. Сюда, вне всяких сомнений, следует включить этноботанические исследования Руссо, о которых уже было сказано выше, но это лишь наиболее изученная часть его этнонаучных изысканий. Трембли и Тивьерж отметили, что ученый не использовал в своих работах термин «этнонаука», однако он имеет определенное отношение к данному направлению (Tremblay et Thivierge 1986: 176–177). Полагаю, для подобного заявления есть все основания.

Прочитую лишь одно из многих высказываний Ж. Руссо, в котором можно обнаружить этнонаучную составляющую: *«В автохтоне соединены знания натуралиста с чутьем ищейки. С малых лет он познает повадки представителей фауны. Следы (pistes), пощипанная трава, обглоданная кора, экскременты, малейшие отпечатки служат для него знаком»* (Rousseau 1958a: 73). На мой взгляд, особую важность здесь приобретает выражение «знания натуралиста». Возможно, тем самым Руссо не отказывает знаниям и адаптивным навыкам индейцев в том, что в них есть и научная составляющая, и ставит их в один ряд со знаниями ученых-натуралистов. Думаю, в этом вопросе он значительно опередил свое время.

Антропология и социальные проблемы (план интродукции оленеводства на севере Квебека)

Жак Руссо был не просто ученым, работавшим исключительно в русле фундаментальной науки, он был и общественным деятелем, живо реагировавшим на проблемы современного ему канадского общества, в особенности на социально-экономическое положение автохтонного населения провинции Квебек. В его трудах научная составляющая часто неотделима от поиска решения проблем индейцев, многие из которых за долгие годы общения стали его друзьями.

Хорошим примером, иллюстрирующим гармоничное сочетание фундаментальной и прикладной науки в трудах Руссо, являются его размышления о процессе доместикации человеком животных и вынашиваемые им планы интродукции домашних оленей в тундре Северного Квебека. Согласно хорошо обоснованным утверждениям Руссо, последнее было необходимо для спасения от голода и вымирания индейцев-на-

скапи Северного Лабрадора. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Как отмечалось выше, культура жизнеобеспечения северных алгонкинских групп тяготела к внутренним лесотундровым районам и базировалась в первую очередь на промысле мигрирующих стад диких оленей-карибу. В отличие от инуитов, осваивавших прибрежные территории и всегда в случае необходимости переходивших от охоты на карибу к промыслу морских млекопитающих (тюленей, моржей, белухи и т.п.), таежные охотники такой альтернативы не имели. Начиная с 1910-х годов популяция карибу в Квебеке неуклонно сокращалась. К 1947 г. численность этих животных снизилась с трехсот тысяч до катастрофических шести. Руссо полагал, что такое положение дел приведет в конечном итоге к вымиранию наскапи и со всех трибун взывал к незамедлительному решению этой проблемы (Rousseau 1968: 56, 65). Выход из сложившейся ситуации виделся ему в переориентации системы жизнеобеспечения наскапи от охоты на карибу к пастушескому оленеводству, это должно было в первую очередь решить проблему голода, не прерывая связи между человеком и средой обитания, что было для Руссо принципиально важным. Как совершенно справедливо отметили Трембли и Тивьерж, Руссо просто не мог сначала не выяснить вопрос о пригодности этих территорий для домашнего оленеводства (Tremblay et Thivierge 1986: 167). Ученый провел специальное исследование и пришел к выводу, что пастбища Унгавы вполне способны прокормить 500 000 северных оленей, и, если численность популяции не будет бесконтрольно увеличиваться, интенсивный выпас животных не нарушит природный баланс (Rousseau 1952: 69). По мнению Руссо, *«арктическая тундра и субарктический лес Квебека представляют собой прекрасное пастбище для северного оленя. ...Интродукция северного оленя в Квебеке – это проблема только психологического характера»* (Rousseau 1958b: 398).

Необходимо отметить, что мысли о распространении оленеводства как меры по улучшению условий существования охотничьих народов Американского Севера посещали некоторых авторов и ранее. Католический миссионер Эмиль Птито еще во второй половине XIX в. очень хотел сделать из охотников-атапасков (дене) бассейна р. Маккензи оленеводов-пастухов. Для достижения данной цели он полагал достаточным всего лишь приручить карибу, огромные стада которых в то время совершали свои осенние и весенние миграции. Увидев животных возле залива Смит на Большом Медвежьем озере, Птито с удивлением заметил, что карибу не боятся людей: *«Вся тундра была полна свободных, но ручных, а вовсе не диких оленей. ... Олени, собравшиеся в войско в одну или две тысячи особей, ничуть не пугающиеся нашего приближения, двигались прямо на нас ...»* (Petitot 1893: 128). В результате он задался вопросом: *«Что мешает дене сделаться хозяевами этих бесчисленных стад и по собственной воле стать счастливыми, богатыми и беззаботными пастухами?»* (Ibid.: 130). Ответы атапасков, кстати, вполне закономерные для классических таежных охотников, незнакомых с оленеводством, вызвали у миссионера не меньшее удивление. Их содержание сводилось в целом к следующему: *«Мы никогда не слышали, что оленя можно приручить, как собаку, и с выгодой ее им заменить. Наши предки убивали оленей, чтобы ими кормиться, и мы делаем, как они... Ловить живых оленей! ...Водить их от пастбища к пастбищу! Пить оленьё молоко, делать из него масло и сыр и по случаю выполнять работу мясника! Слышал ли кто когда-нибудь столь странные и абсурдные вещи? ...Олени – это древние люди. Они бы покинули наши охотничьи территории. Они бы обиделись на то, что находятся в*

состоянии рабства, а не вражды с нами) (Ibid.: 130–131). Призрачные планы Птито по приручению диких оленей-карибу охотниками-атапасками, что вполне естественно, никогда не были претворены в жизнь.

Из практики оленеводства в Евразии хорошо известно, что, невзирая, по сути, на единую видовую принадлежность, грань между диким и домашним оленем пролегает вполне четко, и попытки приручить диких оленят оказывались, как правило, неудачными. Оленеводческие народы никогда не пополняли свои стада путем отлова диких особей, поскольку те оказывались для этого непригодными (Максимов 1997: 282–283).

В отличие от Птито, Жак Руссо видел данную проблему более глубокой и сложной. В одной из работ он лишь мимоходом упомянул о неудачном опыте внедрения оленеводства в дельте Маккензи, обмолвившись, что, если принять во внимание использовавшиеся методы, быть по-другому попросту не могло (Rousseau 1958b: 398). Нельзя исключить, что он имел в виду в т.ч. и замыслы Птито, но точных подтверждений тому нет. В работе, вышедший несколькими годами ранее, Руссо утверждает, что отрицательный результат на Аляске и в районе Маккензи вовсе не говорит об обреченности подобного опыта в Квебеке, и ссылается на успешную практику оленеводства в Скандинавии, известную с «*доисторических времен*» (Rousseau 1952: 71).

Руссо, вне всяких сомнений, прекрасно понимал, что сделать автохтонов Канадского Севера оленеводами путем простого приручения карибу абсолютно невозможно. Согласно его теоретическим постулатам, для запуска процесса доместикиации необходимы некие мутации самих видов, направляющие их на путь одомашнивания, в некоторой степени даже независимо от воли человека. «*Иногда дикие животные подвергаются мутациям, имеющим доместикационный характер, и оказываются приговоренными к исчезновению, если их не окружить заботой. Доместикация не является осознанным процессом, как дрессировка*», – написал он в одной из статей (Rousseau 1958a: 63). Человек не одомашнивает животное, а всего лишь подбирает «*мутации доместикационного характера*». Например, можно приручить отдельных особей львов, тигров, зебр, но эти виды никогда не станут одомашненными; в этом отношении речь может идти только о животных, которые сами искали контакта с людьми. Многие (теперь домашние) виды животных обязаны своим выживанием заключенному когда-то союзу с человеком (Rousseau 1958b: 398).

Почти полное отсутствие домашних животных в доколумбовой Америке Руссо объясняет именно тем, что такие американские виды, как бизон, снежный баран (американский муфлон в терминологии Руссо), горная коза, мускусный бык, карибу и лось «*к несчастью, не произвели “доместикационных мутаций”, заставляющих животных искать общество человека*». Собака в качестве домашнего животного не смогла заменить ни овец и свиней, ни буйволов и лошадей, ни «*лапландского северного оленя*» как равноценную тягловую силу (Rousseau 1958a: 66). В Евразии же олень сам предложил себя охотникам для доместикиации в неолитическую эпоху, в результате чего люди впоследствии перешли к оленеводству (Rousseau 1952: 72). Получается, карибу в Америке, в отличие от северного оленя в тайге и тундре Старого Света, не подвергся «доместикационным мутациям». Общеизвестно, что американский карибу, дикий и домашний северные олени являются представителями одного и того же вида, сформировавшегося и существующего в сходных природных условиях. Не отрицает этого и Руссо, признающий родство карибу и «лапландского северного оленя» (Rousseau 1961: 28). Возникают закономерные вопросы: почему

одно и то же, по сути, животное в Старом Свете в какой-то момент пошло на контакт с человеком, а в Новом Свете нет? Если в Старом Свете северные олени, подвергшись мутациям, стали тянуться к людям, то как в таком случае объяснить факт существования диких северных оленей в Евразии, вообще не имеющих никаких отличий от карibu? Ответы на эти вопросы у Руссо мне найти не удалось.

Надо сказать, что взгляды Руссо на причины возникновения домашних животных выглядят немного наивными. Думается, он несколько недооценивает роль человека в этом процессе. Впрочем, не будучи специалистом-биологом, я не обладаю достаточной компетенцией для критических замечаний по этому вопросу. Отмечу лишь, что еще в 1928 г. русский этнограф Александр Николаевич Максимов убедительно, на мой взгляд, опроверг точку зрения, согласно которой олень сам шел навстречу приручению, ища у человека защиту от хищников, кровососущих насекомых и источник необходимой ему соли (Максимов 1997: 282).

Неоспоримая заслуга Жака Руссо состоит в другом. Планами интродукции оленеводства он искренне пытался спасти зависящие от карibu автохтонные группы. Резкое падение численности этих животных на Лабрадоре в первой половине XX в. действительно привело систему жизнеобеспечения на скапи к глубокому кризису, а некоторые семьи оказались на грани голодной смерти. Предложенный Руссо план вовсе не был утопичным, и в случае его успеха проблемы питания для этих людей были бы разрешены. Если ученый считал карibu животным, не подвергшимся «доместикационным мутациям», то он, безусловно, базировал свои планы интродукции оленеводства в Квебеке не на его приручении. Хотя об этом в известных мне работах не упоминается, речь наверняка шла о получении домашних оленей, например, из Скандинавии и Финляндии или, что менее вероятно, из аляскинского стада, выпасаемого на п-ве Сьюард. Руссо глубоко изучил проблему и убедился в том, что природные условия севера Квебека вполне пригодны для интродукции оленеводства. Он отчасти справедливо полагал, что переход к разведению домашних оленей положительно скажется на восстановлении популяции карibu, поскольку, имея альтернативный источник жизнеобеспечения, монтанье-на скапи и эскимосы смогут значительно меньше охотиться на этих животных. Для сохранения карibu он предлагал создать резерват по всему бассейну р. Джордж и ввести полный запрет на их отстрел в первые годы действия плана – пока не восстановится численность популяции (Rousseau 1952: 67).

План Ж. Руссо по интродукции оленеводства был основательно и глубоко проработан. Базируясь на материалах своих многочисленных экспедиций и обширных ботанических знаниях, на территории Нового Квебека и Лабрадора (материковая часть провинции Ньюфаундленд) он выделил семь участков с наиболее благоприятными условиями для ведения различными автохтонными группами оленеводческого хозяйства: 1) для индейцев «кри или кри-монтанье» – в бассейне р. Рогган в северо-восточном секторе залива Джеймс; 2) для эскимосов Гудзонова залива – в устьях рек Гранд-Ривьер-де-ля-Бален и Птит-Ривьер-Де-Ля-Бален; 3) для эскимосов залива Унгава – между пос. Форт-Шимо и устьем р. Ривьер-о-Фёй; 4) для эскимосов низовьев р. Джордж и Северного Лабрадора – по всему бассейну р. Корок; 5) для эскимосов Центрального Лабрадора – небольшое стадо в лесах около пос. Нейн; 6) для индейцев-на скапи р. Каниаписко – в районе Форта-Маккензи; 7) для монтанье-на скапи Лабрадора – в окрестностях пос. Норт-Вэст-Ривер. Ж. Руссо отдельно

оговаривает, что четыре последних стада следует сформировать в первую очередь, поскольку живущие в тех местах наסקапи и эскимосы могут окончательно уничтожить карибу реки Джордж (*Rousseau 1952: 69–70*).

Руссо понимал всю сложность воплощения своего замысла. Помимо экономических и биологических он выделял также проблемы психологического характера, которые могли возникнуть у местного населения в процессе изменения хозяйственной деятельности. Он приводил мнение Гаррисона Льюиса, видевшего причину неудачного опыта внедрения оленеводства на Аляске в отказе от европейской системы закрытого выпаса и в практике открытого выпаса: эскимосы попросту убивали большое количество домашних оленей для еды. Сам Руссо этим же объясняет крах оленеводства в дельте Маккензи (*Rousseau 1952: 70, 72*). Судя по планам Руссо, касающимся выделения не слишком больших по площади участков, он явно имел в виду закрытую систему выпаса. Он не согласен с утверждением, согласно которому противоречие интродукции оленеводства состоит в том, что во всех районах Канады не наберется достаточного количества людей, способных выполнять работу пастуха-оленевода. «*Эта точка зрения вполне применима к Аляске и территории Маккензи, но определенно не к полуострову Квебек-Лабрадор, где монтанье-наסקапи, которых я очень хорошо узнал за многие годы экспедиций, сумеют с выгодой для себя заняться стадами. Возможно, таким же образом дело обстоит с эскимосами Унгавы и Лабрадора*» (*Ibid.: 71*). В то же время Руссо признает, что в процессе превращения в кратчайшие сроки охотника в оленевода могут возникнуть сложности. Сделать старого охотника оленеводом невозможно, поэтому пастухов следует отбирать очень внимательно, а обучать до того, как они «*подвергнутся тлетворному влиянию*» профессиональной охоты, с юмором отмечает он. Все упирается в квалифицированных инструкторов – индейцы и эскимосы не должны быть предоставлены сами себе, как это произошло на Маккензи. Кроме того, их необходимо подвести к мысли о необходимости защиты и сохранения естественных ресурсов. На роль таких наставников Руссо предлагает нескольких прежних служащих Компании Гудзонова залива, которые, общаясь с автохтонами многие годы, обладают достаточной «*лингвистической, этнологической и научной квалификацией*» (*Ibid.: 72*).

На мой взгляд, с выводами Руссо во многом можно согласиться. Его замыслы по интродукции оленеводства на востоке Канадской Арктики и Субарктики, сложись для этого благоприятные обстоятельства, вполне могли иметь успешное продолжение и, возможно, позитивно сказались бы на положении автохтонных групп севера Лабрадора. Однако этого не произошло.

Руссо, с моей точки зрения, не обратил внимания на такой фактор, как традиционные религиозные воззрения охотников на карибу, согласно которым приручение оленят считалось недопустимым. Это расценивалось как проявление неуважения к карибу, что, по представлениям автохтонов, могло рассердить духа-хозяина карибу и самих этих животных. Результат – потеря удачи на охоте и, как следствие, гибель людей. Выше уже отмечалось, что атапаски в ответ на призывы Птито приручить карибу говорили, что это может обидеть животных. У инну (монтанье-наסקапи во времена Руссо) также существовал запрет на приручение оленят-карибу: Атик-напеу (Хозяин карибу) в наказание мог наслать на людей Ачена (великана-каннибала) (*Gagnon 2007: 461*). Приручать детенышей дикого северного оленя считалось «грехом» даже у некоторых сибирских групп, знакомых с оленеводством (*Миддендорф*

1878: 707; Давыдов 2014: 369–370). Также мне остается не совсем понятным, почему Руссо, соглашаясь с тем, что среди индейцев и эскимосов северо-запада Канады трудно найти людей, которые могут стать пастухами, положительно оценил оленеводческий потенциал автохтонов Квебека. И те, и другие – охотники тайги и тундры – имели очень мало различий в культурном плане. Безусловно, привезенные извне домашние северные олени наверняка получили бы в автохтонном «бестиарии» совершенно иной статус по сравнению с их дикими собратьями-карибу. Степень неукоснительности следования архаичным запретам религиозно-этического происхождения могла быть в середине XX в. уже не столь высока и у алгонкинов, и у атапасков Субарктики. Тем не менее окончательно отбрасывать фактор особенностей традиционных верований, полагаю, все-таки не следует.

Этнонимия в работах Ж. Руссо

Проблемы этнонимии занимают в работах Жака Руссо далеко не главное место, но и их он не обошел своим вниманием.

Начиная с XVII в. этноним «дикарь» (*sauvage*) во франко-канадской традиции применялся ко всем автохтонным группам Америки, и зачастую те, кто их так называл, не придавали своим словам негативный оттенок. Тем не менее этот этноним имеет совершенно очевидную пейоративную окраску. Еще в 1960-х годах его нередко можно было обнаружить даже в научных работах. В 1970-х годах, на волне активизации национальных движений коренного населения, данный этноним перестал употребляться. Сначала он был заменен на «америндейцы» (*Amerindiens*), а в дальнейшем на «первые нации» – для индейцев в целом и на самоназвания – для отдельных групп. Для обозначения эскимосов использовалось общее самоназвание «инуиты». Например, монтанье и наскапи, о которых так много писал Руссо, в настоящий момент принято называть «инну» (*Innu, Innuat pl.*), что означает на их языке «люди». Этнонимы «индеец», «эскимос», «монтанье», не говоря уже о «дикарях», больше не употребляются и даже считаются оскорбительными, но во времена Руссо все было совсем не так.

Руссо еще в 1950-е годы предлагал отказаться от этнонима «дикарь», в смысловом значении которого содержится намек на «степень цивилизованности» тех или иных групп людей (*Rousseau* 1958a: 54). Уже одно только его использование, даже без малейшего желания как-то принизить автохтонов, несло в себе своего рода указание на их более низкие умственные способности по сравнению с канадцами европейского происхождения. Именно Жак Руссо активно ратовал за единый для всех канадских автохтонов (и индейцев, и эскимосов) термин – америндейцы. По его мнению, это позволило бы во французском и английском языках избегать понятий «дикарь» (*Sauvage*) и «туземец» (*Native*), которые неточны и имеют пейоративный оттенок, а «слово америндейцы лучше, чем любое другое способствовало бы реабилитации в общественном мнении этих людей, которых называют дикарями» (*Rousseau* 1955: 197). Здесь этнонимические воззрения Руссо тесно переплетаются с его антирасистскими взглядами и борьбой с предрассудками в отношении коренного населения – наиболее важным направлением его общественной деятельности. Не случайно Дональд Б. Смит, исследуя историю и эволюцию образа «дикаря» от «рождения» до отказа от данного понятия в общественной мысли Французской Канады, считает,

что именно Жак Руссо нанес ему окончательное поражение, как и представлениям о расовом неравенстве во франко-канадской традиции (Smith 1974: 84).

На этнонимию коренного населения Квебека у Руссо также были свои взгляды, заслуживающие внимания. К примеру, он полагал, что этноним «кри» неправомерно употреблять по отношению к индейцам Квебека, так можно называть только кри степных районов Канады и района оз. Виннипег. Его аргументация состоит в том, что слово «кри» происходит из французского языка. Англичане, в конце XVII в. основавшие Компанию Гудзонова Залива, сначала стали называть так индейцев, населявших берега оз. Виннипег, и только значительно позднее группы, жившие восточнее залива Джеймс. Руссо полагал, что, если именовать автохтонов Нового Квебека «кри», нужно отказаться от этнонима «монтанье», поскольку все алгонкинское население п-ва Лабрадор говорит на близкородственных диалектах. Дальнейшее закрепление этнонима «кри» за группами озер Мистассини, Ничикун и восточного побережья залива Джеймс Руссо связывает с ошибочным, с его точки зрения, утверждением канадского антрополога Даймонда Дженнесса, «*который никогда не был у автохтонов Квебека и имел о них весьма поверхностные знания*» (Rousseau 1967a: 634–635).

Действительно, Ж. Руссо в своих работах всегда рассматривал индейцев-мистассини как отдельную этническую общность и не причислял их ни к монтанье, ни к кри, но одновременно с этим признавал за всеми лесными охотничьими народами Квебека, к которым относил «*монтанье, наскапи, тет-де-буль, собственно алгонкинов, мистассини*», родство с кри (Rousseau 1945: 71). Данное утверждение, вне всяких сомнений, справедливо, но только за одним исключением: алгонкины юго-запада Квебека, по сути, являются частью оджибве, но не кри. Также необходимо отметить, что современные автохтоны района оз. Мистассини и восточного побережья залива Джеймс четко позиционируют свою принадлежность именно к кри.

* * *

Данный очерк антропологических взглядов и творчества Жака Руссо совсем не претендует на широкомасштабный охват. В нем упомянута лишь небольшая часть научного багажа ученого. Сама его личность, не говоря уже о проблемах, интересовавших его как исследователя, существенно выходят за рамки того, о чем здесь говорилось. Например, я ничего не сказал о работах Руссо, посвященных его пониманию религиозных представлений коренных жителей Квебека; не упомянул статьи по антропологии питания, где кухня различных автохтонных групп представлена в том виде, в каком он увидел ее в своих многочисленных путешествиях; мало внимания уделил его этногеографическим и топонимическим изысканиям; не затронул некоторые частные вопросы. Я лишь попытался сконцентрировать внимание на отдельных фрагментах его наследия, имеющего отношение к антропологии, и в качестве иллюстраций привести примеры, которые, на мой взгляд, наиболее объемно отражают исследовательские интересы Жака Руссо и значение его фигуры в становлении квебекской антропологии.

Источники и материалы

Jaques Cartier et «*La Grosse Maladie*». XIXe Congrès international de Physiologie. Montréal, 1953.

Répertoire numérique... 2004 – Répertoire numérique du fonds Jaques Rousseau (P 174). Septem-

- bre 2004. Université Laval, Bureau du secrétaire général, Division des archives.
- Rousseau 1933 – Rousseau J. Les Astragalus du Québec et leurs alliés immédiats. Contributions du Laboratoire de Botanique de l'Université de Montréal. N.-Y.; Montréal; Leipzig: 1933. No. 24.
- Rousseau 1945 – Rousseau J. Chez les Mistassini, Indiens chasseurs de la forêt canadienne // *La Revue de l'IFAL* / revue trimestrielle de l'Institut Française d'Amérique Latine. México: 1945. No. 2. Pp. 64–91.
- Rousseau 1946 – Rousseau J. Notes sur l'ethnobotanique d'Anticosti // *Archives de folklore*, 1946. Vol. 1. Pp. 60–71.
- Rousseau 1947 – Rousseau J. Ethnobotanique abénaquise // *Archives de folklore*, 1947. No 2. Pp. 145–182.
- Rousseau 1948 – Rousseau J. Ethnobotanique et ethnozoologie gaspésiennes. (Simples notes) // *Archives de folklore*, 1948. No 3. Pp. 51–64.
- Rousseau 1949 – Rousseau J. Le canot d'écorce de bouleau // *Chasse et pêche*, 1949. Vol. 1. No. 2. Pp. 9–11.
- Rousseau 1950 – Rousseau J. Les voyages du Père Albanel au lac Mistassini et à la Baie James // *Revue d'Histoire de l'Amérique française*. Montréal: 1950. Vol. 3. No. 4. Pp. 556–586.
- Rousseau 1952 – Rousseau J. Les problèmes de conservation de l'Ungava et du Labrador // *Mémoires du Jardin botanique de Montréal*. Montréal: 1952. Pp. 51–79.
- Rousseau 1953 – Rousseau J. Le mystère de l'annedda / *Jaques Cartier* et “*La Grosse Maladie*”. *XIXe Congrès international physiologie de Montréal*. Montréal: 1953. Pp. 105–116.
- Rousseau 1954 – Rousseau J. L'Annedda et l'arbre de vie // *Revue d'histoire de l'Amérique française*, 1954. Vol. 8. No. 2. Pp. 171–212.
- Rousseau 1955 – Rousseau J. L'origine et l'évolution du mot esquimau // *Les Cahiers des Dix*. Montréal: 1955. Vol. 20. Pp. 179–198.
- Rousseau 1957a – Rousseau J. L'Indien de la forêt boréale, élément de la formation écologique // *Studia varia*. Société Royale du Canada. Ottawa: 1957a. Pp. 37–51.
- Rousseau 1957b – Rousseau J. Astam mitchoun! Essai sur la gastronomie amérindienne // *Les Cahiers des Dix*. Montreal: 1957b. Vol. 22. Pp. 193–211.
- Rousseau 1958a – Rousseau J. Ces gens qu'on dits sauvages // *Les Cahiers des Dix*. Montréal, 1958a. Vol. 23. Pp. 53–90.
- Rousseau 1958b – Rousseau J. La mise en valeur des territoires arides de la province de Québec // *La terre et la vie. Revue d'Histoire naturelle*, 1958b. No. 4. Pp. 396–399.
- Rousseau 1961 – Rousseau J. La trame forestière de l'histoire canadienne // *Les Cahiers des Dix*. Montréal: 1961. Vol. 26. Pp. 17–54.
- Rousseau 1967a – Rousseau J. BIAYS, Pierre, *Les marges de l'oekoumène dans l'est du Canada*. (En sous-titre) : *Partie orientale du Bouclier canadien et île de Terre-Neuve*. Travaux et documents du Centre d'Etudes Nordiques. No. 2. Les Presses de l'Université Laval, xxix-760 p., fig., tableaux et cartes, dans le texte, et hors-texte, 1964 // *Revue d'Histoire de l'Amérique française*. Montréal: 1967a. Vol. 20. No. 4. Pp. 631–636. doi:10.7202/302620ar
- Rousseau 1967b – Rousseau J. Pour une esquisse biogéographique du Saint-Laurent // *Cahier de Cahiers de géographie du Québec*, 1967b. Vol. 11. No 23. Pp. 181–241. Doi:10.7202/020725ar
- Rousseau 1968 – Rousseau J. L'avenir des Amérindiens de la toundra et de la taïga québécoises // *Les Cahiers des Dix*. Montréal, 1968. Vol. 33. Pp. 55–77.
- Rousseau et Raymond 1945 – Rousseau J. et Raymond M. Études ethnobotaniques québécoises. *Contributions de l'Institut botanique de l'Université de Montréal*. Montréal, 1945. No. 55.

Литература

- Давыдов 2014 – Давыдов В.Н. От дикого к домашнему: стратегии доместикации оленя в Северном Забайкалье // *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г.* СПб.: 2014. С. 365–371.

- Евтух* 1989 – Евтух Е.Б. Современная этнология в Канаде // *Этнология в США и Канаде*. М.: «Наука», 1989. С. 285–312.
- Максимов* 1997 – Максимов А.Н. *Избранные труды* // сост., автор послесл. и коммент. О.Ю. Артемова. М.: «Восточная литература», 1997.
- Миддендорф* 1878 – Миддендорф А. *Путешествие на Север и Восток Сибири. Коренные жители Сибири*. СПб.: 1878. Ч. II. Отдел VI.
- Шишелов* 2018 – Шишелов Н.С. *Рыболовная культура атапасков Арктического Бассейна (XVIII–XXI вв.)*. М.: Издательские решения, 2018.
- Audet* 1970 – Audet L.-Ph. Jacques Rousseau. *Cahiers des dix*. Montréal, 1970. Vol. 35. Pp. 7–11, doi:10.7202/1025267ar
- Caron* 1971 – Caron F. Jacques Rousseau (1905–1970). *Arctic*. Montreal, 1971. Vol. 24. No. 2. Pp. 151–152.
- Clément* 2012 – Clément D. *Le bestiaire innu. Les quadrupèdes. Collection «Mondes Autochtones»*. Québec: Presse de l'Université Laval, 2012.
- Couture et Laverdière* 2000 – Couture P. et Laverdière C. *Jacques Rousseau. La science des livres et des voyages*. Montréal: «les Grandes Figures». 2000.
- Hamelin* 1970 – Hamelin L.-E. Notice nécrologique: Jacques Rousseau (1905–1970). *Cahier de géographie Québec*, 1970. Vol. 14. No. 32. Pp. 257–260, doi:107202/020912ar
- Gagnon* 2007 – Gagnon D. Sainte Anne et le pouvoir manitushuun: l'inversion de la cosmologie mamit innuat dans le contexte de la sédentarisation, edited by Laugrand F.B., J.G. Oosten. *La nature des esprits dans les cosmologies autochtones. Nature of Spirits in Aboriginal Cosmologies*. Québec.: Presse de l'Université Laval, 2007. Pp. 449–478.
- Laverdière* 1999 – Laverdière C. Jacques Rousseau: Le dernier des grands explorateurs du Nouveau Québec // *Cap-aux-Diamants*. 1999. No 56. Pp. 44-47.
- Laverdière et Carette* 1999 – *Laverdière C. et Carette N.* Jacques Rousseau 1905-1970. Bio-bibliographie. Saint-Fois, Presse de L'Université Lavale. 1999.
- Mathieu* 2005 – *Mathieu J.* L'intellectuel et le lion: Jacques Rousseau: homme de tête et de passion // *Les Cahiers des Dix*. Montréal: 2005. Vol. 59. Pp. 127–147. doi:10.7202/2045756ar
- Petitot* 1893 – *Petitot E.* Exploration de la Region du Grand Lac des Ours. (Fin de Quinze ans sous le Cercle Polaire). Paris: 1893.
- Smith* 1976 – *Smith D.B.* Le Sauvage. The Native People in Quebec historical writing on the Heroic Period (1534-1663) of New France. National Museum of Man. History Division. Ottawa: 1976. No. 6.
- Tremblay et Thivierge* 1986 – *Tremblay M.-A. et Thivierge J.* La nature et la portée de l'oeuvre amérindienne de Jacques Rousseau // *Anthropologie et Sociétés*, 1986. Vol. 10. No 2. Pp. 163–182. doi:10.7202/006356ar

Reference

- Davydov, V.N. 2014. Ot dikogo k domashnemu: strategii domestikat'sii oleniya v Severnom Zabaikal'e [From wild to domestic: the strategy of domestication of a deer in the Northern Transbaikalia]. *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAĖ RAN v 2013 g.* [Radlov collection: research and museum projects of the MAĖ RAS in 2013], 365–371. St-Petersburg.
- Evtukh, E.B. 1989. Sovremennaya etnologiya v Kanade [Modern Ethnology in Canada]. *Etnologiya v USA & Canada* [Ethnology in the United States and Canada], 285–312. Moscow: Nauka.
- Maksimov, A.N. 1997. Izbrannye Trudy [Selected Works], edited by O.Yu. Artemova. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997
- Middendorf, A. 1878. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri. Korennye zhiteli Sibiri* [Travel to the North and East of Siberia. Aboriginal people of Siberia]. St-Petersburg: Vol. II (Pt.VI).
- Shishelov, N.S. 2018. *Rybolovnaya kul'tura atapaskov Arkticheskogo Basseina (XVIII–XXI vv.)* [Fishing culture of the Arctic Basin patches (XVIII – XXI centuries)]. Moscow: Izdatel'skie resheniya.

- Audet, L.-Ph. 1970. *Jacques Rousseau. Cahiers des dix*. Montréal: 1970. Vol. 35. Pp. 7–11. doi:10.7202/1025267ar
- Caron, F. 1971. Jacques Rousseau (1905–1970). *Arctic* 24 (2): 151–152. Montreal.
- Clément, D. 2012. Le bestiaire innu. Les quadrupèdes. *Collection «Mondes Autochtones»* [The Innu Bestiary: Quadrupeds. Collection “Mondes Autochtones”]. Québec: Presse de l’Université Laval.
- Couture, P. et J.R. Laverdière C. 2000. *La science des livres et des voyages* [The science of books and voyages]. Montréal : «les Grandes Figures».
- Hamelin, L.-E. 1970. Notice nécrologique: Jacques Rousseau (1905–1970) [Obituary note: Jacques Rousseau (1905-1970)]. *Cahier de géographie Québec* 14(32): 257–260. Doi:107202/020912ar.
- Gagnon, D. 2007. Sainte Anne et le pouvoir manitushiu: l’inversion de la cosmologie mamit inuat dans le contexte de la sédentarisation [Sainte Anne and manitushiu power: the inversion of cosmology mamit inuat in the context of sedentarisation]. In *La nature des esprits dans les cosmologies autochtones. Nature of Spirits in Aboriginal Cosmologies*, edited by F.B. Laugrand, J.G.Oosten, 449–478. Québec: Presse de l’Université Laval.
- Laverdière, C. 1999. Jacques Rousseau: Le dernier des grands explorateurs du Nouveau Québec [Jacques Rousseau: The last of the big explorers of the New Quebec]. *Cap-aux-Diamants* 56: 44–47.
- Laverdière, C. and N. Carette. 1999. *Jacques Rousseau 1905–1970. Bio-bibliographie* [Jacques Rousseau 1905-1970. Bio-bibliography]. Saint-Fois, Presse de L’Université Lavale.
- Mathieu, J. 2005. L’intellectuel et le lion: Jacques Rousseau: homme de tête et de passion [The intellectual and the lion: Jacques Rousseau: man of head and of passion]. *Les Cahiers des Dix* 59: 127–147. Montréal. Doi:10.7202/2045756ar
- Petitot, E. 1893. *Exploration de la Région du Grand Lac des Ours. (Fin de Quinze ans sous le Cercle Polaire)* [Exploration of Region of the Great Bear Lake. (The end of fifteen years behind a polar circle)]. Paris.
- Smith, D.B. 1976. Le Sauvage. The Native People in Quebec historical writing on the Heroic Period (1534–1663) of New France. *National Museum of Man. History Division* 6. Ottawa.
- Tremblay, M.-A. and J. Thivierge. 1986. La nature et la portée de l’oeuvre amérindienne de Jacques Rousseau [The nature and scope of Jacques Rousseau’s amerindian production]. *Anthropologie et Sociétés* 10 (2): 163–182. Doi:10.7202/006356ar.

Denis V. Vorobiev. Between nature and culture: Jacques Rousseau and the beginning of Quebec anthropology

The article is about the Canadian ethnologist and the botanist Jacques Rousseau, one of the founders of anthropology in Quebec. It follows his footsteps in science from botany to ethnobotany, and then his way from ethnobotany to ecological approach in anthropology is traced. The article considers his efforts in solving the economical and social problems of this area with his plans on reindeer breeding introduction in the north of Quebec-Labrador as an example.

Keywords: *Quebec anthropologist Jacques Rousseau, Quebec anthropology, Montagnais, Naskapi, ethnobotany, "birch civilization", North of the Province of Quebec, caribou.*